

УСАДЬБА ЛАНИНЫХ

УЧАСТВУЮЩИЕ:

Ланин Александр Петрович, помещик,
старик.

Елена, старшая дочь.

Ксения, младшая.

Тураев Петр Андреевич.

Николай Николаевич, муж Елены, инженер.

Наташа, дочь Елены от первого брака, 16 лет.

Фортунатов, Диодор Алексеевич, магистрант.

Марья Александровна, его жена.

Евгений, студент.

Коля, гимназист старших классов, родственник Ланиных.

Михаил Федотович, помещик, приятель Ланина.

Гости, студенты, барышни, гимназисты,
кадеты, подростки.

I

Весенний день, бледно-зеленых тонов. Очень тепло, деревья полураспустились; небо апрельски-нежное. На обширной террасе Ланин и Тураев сидят у стола: перед ними вино.

Ланин. И весна, весна. Вот она какая благодать, батюшка мой. Конец апреля.

Тураев. А у вас сезон начался уж? Съезжаются?

Ланин. Ну, понятно. Тут исстари заведено, и при покойной жене так было: я люблю юность. Пусть побегают. Ничего, на то они молоды.

Тураев. Значит, все по-прежнему. Помню, был у вас студентом одно лето.

Ланин. Нынче, видите, весна пораньше, и они пораньше. Знают, когда слетаться. Своего не упустят. Что ж, я рад: зимой сидишь один, разве на выборы... или за границу – а летом вот и шум.

Тураев. А Елена Александровна надолго?

Ланин. На все лето. Тут, я вам скажу, гости как раз сегодня приехали – я и сам мельком видел – ушли спать, переодеваться, и все возятся.

Тураев. Кто ж такие?

Ланин. Еленины друзья.

Входит Елена. Она несколько возбуждена.

Елена. Папа, вы не говорили насчет самовара? Сейчас придут Фортунатовы, ничего еще нет! (*Звонит.*)

Ланин. Вот она знает все, она. Если ее друзья, значит, хорошие люди.

Елена (*улыбается, обнимает его.*). Ты такой же все, папа? Фортунатов тебе подстать, он философ, тоже.

Ланин. Чудачище? Я таких люблю.

Елена. Да. – Где Наташа, скажите вы мне? Пропадают все здесь целыми днями!

Тураев. Я видел Наташу у пруда, когда сюда шел.

Елена. С Николаем?

Тураев. Да... Они рыбу удят.

Елена. Мой муж записался в Фаусты. Ну, да как хочет. Я, кажется, плохая мать. (*Смеется про себя.*) Плохая мать. (*Отходит к перилам. Блаженно, задумчиво смотрит в парк.*) День-то, день! Свет какой! Ослепнешь.

Ланин. Елена в меня, солнышко любит.

Елена. В такие дни кажется, что в жизни есть что-то чудесное. Может быть, природа раскрывает свое сердце, и чувствуешь, что и люди есть... особенные.

Ланин. Елена у нас нынче возвыщенно

настроена.

Елена. Я хоть и мать, все же я еще человек.

Ланин. Браво, брависсимо.

Елена. Да и у вас тут все пропитано любовью. Например, Евгений, Ксения? Тоже под липами где-нибудь разводят о вечной любви. Скоро свадьба-то их?

Ланин. Порядочно назрело, я уже вижу! (*Тураеву.*) Здесь редкое лето без брака, у меня рука легкая.

Елена. Бывает с вами, Петр Андреевич, что вы чувствуете себя таким легким... Точно сила какая владеет вами. – И все так светло, все – восторг.

Ланин. Елена влюблена!

Елена. Папа, пустое вы говорите.

Тураев. Но сегодня вы особенно настроены, это верно.

Елена (*свешивается вниз*). Милая весна, милая зелень!

Ланин. Влюблена, влюблена!

Елена. Ну, будет! (*Прислуга приносит самовар.*) Будет болтать пустяки. (*Садится к столу и хозяйничает.*) Петр Андреевич, держитесь, сейчас вы увидите блестательную женщину. Закрутит она вас!

Тураев (*улыбаясь*). Меня? Не-ет!

Ланин (*хлопает Тураева по спине*). Он прежде твоим рыцарем считался, мать моя!

Елена. Это когда было!

Входят Фортунатов, Марья Александровна и Коля.

Елена. Наконец-то, мы заждались.
(*Улыбаясь, слегка смущенно*.) Я уж думала, вы нездоровы.

Фортунатов. Мы задержали, кажется? Наверно, мы нарушили порядок жизни? Ах, какая оплошность печальная! Маша, как это мы не сообразили?

Марья Александровна. Это я виновата. (*Улыбаясь, лениво*.) Правду сказать, я устала от езды ночью. На лошадях ехать было отлично, только я как-то расслабла от этой весны, ваших соловьев... (*Елене*). Это такая роскошь была ночью! Запахи, звезды, невозможно заснуть!

Ланин. Ничего, здесь наверстаете. У меня молодые люди должны поправляться, набирать сил для жизни, работы!

Елена. Диодор Алексеевич профессором скоро будет, он не так-то юн, папа!

Ланин. Здесь старик только я. Остальные – дети. Запомните это.

Марья Александровна. Правда?

(Мужу). Слышишь? Все должны быть молодыми. Да, в такую весну кто не молод, того презирать следует.

Фортунатов. Маша боится, что я буду мучить раскопками и архаической скульптурой. Но это, господа, неверно. Я люблю искусство и археологию, но сейчас я счастлив, что попал в такую славную деревню, к молодежи. Я охотно готов заниматься всякими развлечениями природы, и вот (*Коле*) молодой человек...

Елена. Зовите его просто Колей.

Фортунатов. Мы уже знакомы. Да, я думаю, Коля покажет нам способы ловли рыбы.

Марья Александровна. Господин Коля, вы, наверно, веселей всех здесь живете. Вы меня тоже должны всему научить. Вы рыбу удите?

Коля. Немного. Это пустое занятие.

Марья Александровна. Нет, уж пожалуйста.

Ланин. У нас еще рыболовы есть, еще! В одном конце сада у нас рыболовы, в другом птицеловы, в третьем сердцеловы.

Коля. Здесь парк вообще прекрасный. Конечно, пережитки крепостничества, тургеневщины.

Марья Александровна. Какой там

тургеневщины? Есть парк – и чудесно. Надо Бога благодарить.

Елена. Здесь есть отличная оранжерея. Диодор Алексеевич, пейте чай, пойдем смотреть все это.

Фортунатов. Да? Отлично. (*Панину*). А я, знаете ли, немного близорук, и сейчас, например, неясно вижу, что там вдали. Мне кажется – какие-то пятна бледно-зеленые, а над ними бирюза. Это, очевидно, распускающиеся деревья и небо. Но зато я... (*вздыхает*) ясно чувствую, что здесь весна и такой милый запах!

Марья Александровна. Вчера ночью, в дороге, он принимал кусты за людей, вообще... (*Машет рукой.*)

Фортунатов. Да, вот Машенька все смеется, она и вчера дразнила меня. А мне в полуслучае все места казались фантастическими – я так давно не видал природы и деревни. К тому же плохое зрение. Так что под конец я думал, не посыпают ли мне боги легкого наваждения, видений. Вот сейчас я различаю новые пятна, движущиеся.

Елена. Это наши. Наташа с моим мужем, Ксения, Евгений.

Фортунатов. Вероятно – да!

Ланин (*подходит к перилам*). Рыболовы!

Много ли мне окуньков наловили, желаю знать?

Наташа (*весело*). Дедушка, не клюет!
(Влетает на балкон; увидев Фортунатова, смущается.)

Ланин. Ты чего ж это зевала? А?

Пришедших представляют, все здороваются.

Наташа. У меня, дедушка... *(Вдруг фыркает, бежит к двери и высунувшись кричит.)* У меня слишком строгий вотчим!

Все смеются.

Ланин. Ну, шельма! Чем вы ее так запугали?

Николай Николаевич. Запугаешь ее! У нее нет системы. Чуть тронет рыба крючок, она тащит. При этом страшно шумно – всю рыбу разгоняет.

Ланин. А ты бы изобрел для нее какой-нибудь особый такой крючок, чтобы рыба сама на него шла. Это твое, ведь, дело – изобретать.

Николай Николаевич. Ну, где там изобретать. На то Эдисоны есть.

Фортунатов. Елена Александровна, а вы покажете мне сады? Хотя я и плохо вижу, однако,

ловля рыбы меня интересует чрезвычайно.

Елена (*подымаясь*). Да, непременно. И вообще, идем, пора. Скоро солнце сядет. (*Проходя мимо Ксении, ласково щекочет ее. Вполголоса*). Ну, а у тебя сегодня такой вид, такой... (*Смеется, грозит пальцем.*)

Марья Александровна. В самом деле, идем. Господин Коля, когда ж вы будете парк показывать, вашу "тургеневщину"?

Елена. Николай, вот тебе стакан, мы уходим.

Николай Никolaевич. Куда это? Какая ты, Елена?

Елена. Никакая. Диодор Алексеевич, руку.

Уходят, Коля впереди с Марьей Александровной.

Ланин (*Тураеву*). Душенька, что же вы?

Тураев. Я здесь побуду. Посижу, покурю. Елена Александровна займет гостей.

Из дому выбегает Наташа.

Наташа. Что, ушли?.. А то эти профессора разные! Я боюсь умных. (*Скачет и визжит.*)

Ланин. Чего их бояться? Они ничего... Хе-хе, опасности нет.

Николай Николаевич. Он чучело
какое-то. А она... д-да.

Ланин. Красивая бабочка.

Николай Николаевич. Ну, глаза! Ну,
глаза-а! Не будь я Елениным мужем...

Наташа. Тебе она нравится? Так, вообще?

Николай Николаевич. Нравится.

Наташа. Очень?

Николай Николаевич. Тебе-то что?

Наташа. Очень нравится! Очень нравится!
Конечно, мне ничего. (*Меняя тон.*) По-моему
тоже – она прелестная. Жаль, я урод. Оттого ты
меня все ругаешь.

Николай Николаевич. Ты глупая,
Наташа.

Тураев (*смеется*). Наташа, поди ко мне!

Наташа. Где вы там, дядя Тур?

Тураев. Сядь ко мне. Ты меня насмешила.
Ты говоришь, что ты урод. Это неверно.

Наташа. Нет, верно. Я бы хотела быть
такой красивой, как Марья Александровна. Чтоб
меня любили. И чтоб не смеялись надо мной.

Ланин. Тебя еще не любить, а в гимназии
хорошенько правописанию учить надо!
Правописанию!

Тураев. Времена! Я тебя знал вот такой
(*показывает*), а теперь ты... наполовину

большая! Александр Петрович, смотрите, вот птенец скоро выпрыгнет на свет Божий – куда-то ты выпрыгнешь?

Наташа. Я не маленькая, дядя Тур. Это я так кривляюсь. Может, я все знаю, да не говорю. Я не маленькая. (*Опирается на Тураева спиной, смотрит на Ксению.*) И ничего-то вам обо мне не известно, ничевошеньки! Ксеничка, тебе хорошо сейчас?

Ксения. То есть как?

Наташа. Я на тебя поглядела, мне показалось... Ты мне показалась невестой. Знаешь, бывает... что человек полон чем-то хорошим... счастьем!

Ксения (*смеявшись*). Да, мне хорошо. (*Пауза*). Мы с Евгением много гуляли, были в поле. Знаешь, прилетели жаворонки. В роще я нашла фиалки – такие чудные. А поля блестят под солнцем, блестят!

Наташа. Ты счастливая.

Тураев (*смотрит на Наташу*). Если вас сравнивать, так ты, Наташа, какая-то угластая... и об тебя зажечься можно... а Ксения сияет ровно, весной светит. Точно принесла с собой блеск этих полей.

Наташа (*обнимает Ксению*). Ксения королева.

Ксения. Ну, вот, ну, вот! (*Смеется смущенно, целует Наташу.*) Скажешь тоже.

Наташа. Конечно, ты золотая королева. Вон у тебя какие косы!

Николай Николаевич. Наташа разнежничалась теперь.

Наташа. Отчего же девушку и не поласкать? Она хорошая. (*Снова Ксения целует ее.*)

Николай Николаевич. Ну, ласкай, ласкай. А я взгляну, как Елена там гостей водит. (*Встает.*) Вы не подойдете, Петр Андреевич? Наташа!

Тураев. Они, наверно, скоро вернутся.

Наташа. Нет, я не пойду. (*Перебирает волосы Ксении.*) Мне не хочется.

Николай Николаевич. Как знаете. (*Уходит. Наташа смущена.*)

Ксения. Наташа, ты гостей боишься? Неужели правда? Разве ты робкая?

Наташа. Нет, мне не хочется, просто. (*Вздыхает.*) И все тут. Мы с Туром лучше в крокет сыграем. Тур, идет? (*Подает ему руку.*) Я вас разобью при этом?

Тураев. Можно. Меня, Наташенька, столько били, что еще раз разбить честь невелика. (*Усмехается.*) Уж такой я герой.

Ланин (*у перил*). Да если Елену увидите, пусть молодой сад покажет. Пусть покажет.

Наташа (*басом*). Слушаю, ваше сиятельство. (*На мгновение останавливается, потом подбегает к балкону*.) Когда Ксения замуж будет выходить, чтобы мне первой сказали. Да-с! (*Убегает*.)

Ланин. Ишь ты, шельма. Как ни притворяйся – раскисла. Характерец! То юлит, на шее виснет, то вдруг... А про вас что сказала? Когда, говорит, замуж будет выходить... Что это она болтает? А?

Ксения молчит и улыбается.

Ланин. Угадала?

Евгений. Я и Ксения давно любим друг друга, Александр Петрович.

Ланин. Вон куда загнуло.

Ксения (*подходит и обнимает его*). Папа, милый, Наташа угадала!

Ланин. Ну, конечно, конечно.

Евгений. Александр Петрович, я простой студент, что я такое... может быть, вы...

Ксения, Молчи, Евгений.

Ланин. Та-ак. Стало быть, вы будущий Ксении муж.

Ксения. Да, папа. (*Встает.*) Папа, поздравь меня. Нынче такой... дорогой для меня день.

Ланин. Поздравь, поздравь...

Евгений. Вы... недовольны?

Ксения. Папа?

Ланин (*встает, ходит в волнении.*) Чем мне быть недовольным? Я же знаю, понимаю. У меня есть глаза. (*Вдруг останавливается, обнимает Ксению.*) Поди сюда, Евгений. Ну, поцелуйтесь при мне, Бог с вами. (*Они смеются и целуются.*) Вот, значит, и того, я вас благословил. Теперь видите, что не огорчен?

Ксения. Папочка, я так и знала. Вы меня так любили... Неужели вы были бы против счастья моего?

Ланин. Вот тебе раз, вот тебе раз! Ты только меня не забывай. Ну, когда устанешь там в городе, или что, так меня чтоб уж не миновать.

Ксения. Папа, что вы! Папа... (*Прислоняется к его плечу, со слезами в голосе.*) Господи, мне и вас жаль, я и знаю, что буду вас по-прежнему любить. (*Целует руки.*) Вы старенький... А все-таки плачу.

Ланин. У нас все так... немного слабы насчет чувств. Да-с, слабы. Вот и я... собственно, что же. Евгений человек хороший, фантасмагорист немного, но хороший. Я люблю

таких юношней... И все-таки я разолнован, не могу отрицать. (*Улыбается, ходит взад и вперед.*) Ксеношка очень на мать покойницу похожа. Она такая же была. Только тогда по-другому одевались. Все – и свет в глазах, и руки... Все, ведь, тоже здесь было (*закрывает глаза рукой*). Тридцать лет было, а будто вчера. И весна была такая же, дух шиллеровский. В то время мы много читали Шиллера.

Ксения. Мамы... нет! Отчего нет мамы, я бы ее целовала, она бы плакала со мной.

Ланин. Ну, это уж... да. Тут ничего не поделаешь.

Ксения. Я помню маму молоденькой.

Ланин. Она умерла сорока лет.

Ксения. Все равно, я ее помню молодой. Не знаю, сколько ей было, только она была молодая. Я помню ее волосы, и как от нее пахло.

Ланин (*Евгению*). Берегите Аксюшу. Вы знаете, это очень трудное дело, жизнь. И вы ее охраняйте. Много вы еще тяжелого хлебнете друг с другом, это уж так положено – все несите. И только знайте, что надо... да... Бога просить, чтобы своей любви не переживать. Если уйдет она из жизни раньше вас... ну, многое вы тогда узнаете.

За сценой хохот Марии Александровны и голоса.

Ксения. Это наши!

Входит Елена с Фортунатовым, Коля ведет под руку玛丽ю Александровну.

Фортунатов. Я продолжаю утверждать, что все у вас здесь чрезвычайно замечательно и прекрасно. (*Панину*). Я в восторге от вашей усадьбы. Так светло, обширно, сад, пруды, оранжереи. Я, знаете ли, чувствую, что здесь была богатая жизнь... и как бы сказать – жизнь любви. Где ж было и любить этим людям прошлого, как не в роскошных парках, такими веснами, когда все, повторяю, кажется фантастичным и таинственным.

Мария Александровна (*хооча*). Здесь, может, и любят, а не только любили. Любят, любят, наверно, от меня не скроешь.

Елена (*смеется – немного пьяно*). Любят? Вы находите, что любят? Диодор Алексеевич, вы тоже находите?

Фортунатов. Да, здесь можно опьянеть. И мне это чрезвычайно радостно. Мне кажется, что здесь человеческая душа, среди света и зелени, должна как бы распускаться и цвести. Знаете ли, все нежнейшее и лучшее, что в ней есть, выходит

наружу.

Ланин (*встает*). Господа, теперь можно не скрывать: вы попали как раз на помолвку. (*Берет за руки Евгения и Ксению*.) Позвольте представить – жених и невеста.

Елена. Ксения, невеста? Правда? Я так и знала. (*Целует ее*).

Ксения. Целуй меня, целуй крепче!

Елена. Милая, милая!

Фортунатов. Ах, вот как, весьма приятно (*Ланину, Евгению*). Позвольте поздравить от души, я хотя и чужой здесь, но дружба с Еленой Александровной...

Вбегает Наташа.

Наташа. Целуются? Мама? Ксюша? Что такое? А?

Ланин. Свадьба, коза Ивановна, да не твоя.

Наташа. Ксюша с Евгением? Молодцы! Свадьба, свадьба-у-у!! (*Визжит, крутится на одной ножке*). Женька, молодец, подсидал. (*Кидается ему на шею*.) Ходил, ходил по аллеям и доходился. (*Теребит его и как бы с ним борется*.)

Евгений (*смеясь*). Наташа! Какая ты!

Наташа. Отобрал у меня тетушку,

противный!

Входят Тураев и Николай
Николаевич.

Николай Николаевич. А-а, свадьба.
Браво, Евгений Иваныч, Ксения, поздравляю.

Тураев подходит к Ксении и целует руку.

Тураев. Вот он, свет-то полей! Вот она, королева наша!

Фортунатов (*жене*). Какое доброе предзнаменование! Мари, милая, ты не находишь, что это страшно хорошо, что мы приехали именно сегодня, в такой радостный день! Я снова утверждаю – я предчувствовал, что здесь должно произойти что-то превосходное. Мари, разве я не говорил тебе, что мое сердце расцветает? (*Подходит к Ксении и целует руку.*) Поздравляю, от всей души. Я не так молод, как вы, но мое сердце всей силой отзывается на зрелище высоких радостей жизни.

Марья Александровна весело смеется.

Марья Александровна. Речь произнеси, речь! (*Хлопает его по плечу.*) Ах ты,

друг ты мой сердечный!

Фортунатов. Чего ты смеешься, Машенька? Право, я, кажется, ничего смешного и не говорил.

Марья Александровна. Ты просто очень мил... очень мил.

Ланин. Господа, прошу покорно. У меня найдется по бокалу доброго вина. Надо чокнуться. (*Хлопает Фортунатова по плечу.*) Идем в столовую, профессор, пока достанут вина, я покажу вам масонские книги, — здесь осталось кое-какое старье.

Фортунатов. Неужели? Это крайне интересно!

Николай Николаевич. Парами идти. (*Марье Александровне*). Вашу руку.

Марья Александровна (*Коле*). Прозевали, господин радикал.

Коля. Во-первых, я не радикал, а анархист.

Марья Александровна. А во-вторых?

Коля (*сердито, сконфуженно*). Во-вторых, ничего.

Марья Александровна. Ну, дайте руку хоть Наташе. (*Уходят.*)

Наташа. С Колей идти? Ладно, что поделаешь! Наше дело девичье. (*Прыгает, но как-то натянуто.*) Коля, будь хоть ты моим

рыцарем, если другие не хотят.

Под руку с Колей выходит за всеми. Тураев и Елена остаются.

Тураев. Что ж, Елена Александровна, мне тоже вам руку подать? Помните, что сказал нынче Александр Петрович? Я ваш старинный рыцарь.

Елена. Петр Андреевич, вы меня очень трогаете. (*Вздыхает.*) Но сейчас мне не хочется еще идти. Знаете, я как-то затуманена. Столько чувств, дум, событий... не могу быть покойной. Фортунатов говорит, что здесь напряженная атмосфера. Это, пожалуй... верно. Скажите: вы ничего не замечаете?

Тураев. Как сказать?

Елена. Пошли пить за нареченных, это прекрасно... Но все ли здесь-то благополучно, в усадьбе?

Тураев. Если говорить правду... Наташа меня немного смущает.

Елена. Наташа.

Тураев. Может быть, я ошибаюсь, – но она не ребенок. Больше того...

Елена. Вот как! Вы... заметили.

Тураев. В ней есть настороженность... острота любящей девушки. Мне даже показалось, – но тут я отказываюсь понимать.

Елена. Что отказываетесь понимать?

Тураев. По-моему, она ревнует.

Елена. Можете больше не говорить. Вы уверены, что да, что она влюблена?

Тураев. Почти... уверен.

Елена. Я так и знала. (*Ходит взад и вперед, в волнении.*) Уж я замечала, она смотрит на него по-особенному, по-особенному смеется. Но здесь, в деревне, все усилилось. Точно ею овладел дух какой-то любовный. И эта восторженность, слезы, ну, я понимаю. Она влюблена... в отчима. В Николая... вот как.

Тураев. Мне было тяжело назвать это имя.

Елена. Что поделать, это так. Я не знаю одного – насколько серьезно. Да... тут нет ничего удивительного. Николай нравится многим. Мне самой нравился, когда выходила за него замуж. Но чтобы моя дочь... – я, конечно, не ждала. Чего не бывает! Петр Андреевич, вы преданный друг?

Тураев. Я? (*Подумав.*) Я даже слишком преданный, Елена Александровна.

Елена. Я так и знала. (*Подходит к нему.*) Я вам могу сказать многое, чего не скажу другому.

Тураев. Я слушаю.

Елена. Должна вам сообщить странную вещь. Очень странную. Как, по-вашему, чувствует себя мать, у которой дочь влюбилась в отчима?

(Тураев разводит руками.) Ну, конечно, я понимаю. Неважно она себя чувствует. Страдает за дочь? К мужу ревнует? Так вот и оказывается, что нет, и не ревнует, и даже дочерью не очень занята. Это скверно, может быть, даже преступно... но поди ж ты. Мать думает совершенно о другом.

Тураев. Значит, – отвлечена.

Елена. Отвлечена! Отвлечена! (Садится около него и смотрит робко.) Петр Андреевич, милый мой!

Тураев (закрывает лицо руками). Зачем вы меня так называете?

Елена. Что же? Вы добрый, старый друг!

Тураев. Старый друг! Старый друг!

Елена. Папа смеялся нынче надо мной, говорил, что я влюблена.

Тураев (смотрит в сторону, неподвижно). Он вовсе не смеялся.

Елена. Как так не смеялся?

Тураев. Папа нынче не смеялся. (Молчит.)

Елена. Ну, влюбилась. Ну, да, да... что ж теперь делать?

Тураев. Ничего.

Елена. Дядя Тур, не осуждайте меня. Еще за границей, когда я в первый раз встретила его, он меня поразил. А-а, вы его не знаете. Между тем,

это замечательный человек. Его считают немного за чудака, и правда, он говорит иногда странно. Но это только для тех, кто не вслушался в него.

Тураев. Он понравился мне сразу.

Елена. И уже там я поняла, что этот странный и, как кажется, несчастный человек... А когда я увидела его нынче... Нет, должно быть все мы здесь немного полуумные.

Входят Ланин с Фортунатовым.

Ланин. Да, многоуважаемый профессор. Таковы наши владения. И вон там, у пруда, самое замечательное место. Можно сказать, историческое место: статуя богини любви. Венера-с. Что вы думаете, восемнадцатого века... дедом из Франции вывезена. Там этакие скамейки, и со времен старинных на дубах, березах вырезаны сердца пронзенные, и там в любви всегда объяснялись, хе-хе, это как бы местное божество, хотя у него и отбиты руки. Да, покровительница любви, устроительница величайших кавардаков.

Фортунатов. Как это интересно! Скажите, пожалуйста, ведь, Елена Александровна не показала мне ее!

Ланин. Что же ты это, мать моя? Слона-то,

можно сказать?

Елена (*встает; улыбаясь, растерянно*). Ах, да, я вам не показала, действительно. Но время еще будет.

Ланин. А вина-то несут? (*В окно дома*). Винца-то, винца?

Входят из дома Марья Александровна,
Николай Николаевич, Коля.

Марья Александровна. А мы ждем тостов. Ах, какая зала у вас, Александр Петрович!

Лакей вносит на подносе шампанское и бокалы.

Тураев (*Ланину*). Как вы сказали про Венеру? "Устроительница величайших кавардаков?"

Ланин. Разумеется, душа моя. Все она мудрит. За нее сейчас выпьем.

Тураев (*задумчиво*). Да-да-да-а...

Ланин. Где же виновники торжества? Спрятались? Где они там? Да еще бы бутылку. (*Лакею*). Еще бутылку! (*Все берут бокалы. Входят Ксения и Евгений*.) Ну, вот, за них, за молодость, за любовь, за Венеру, так сказать, за счастье.

Все обступают помолвленных, чокаются. Голоса:
"Браво! Поздравляем! Счастья!" Вбегает Наташа и
сразу становится шумно.

II

Пригородок в парке, окруженный старыми дубами. На скамье, лицом к зрителю Ксения и Наташа. За ними статуя, к ней примыкает в глубине сцены беседка. Направо внизу, сквозь деревья виден пруд. Теплая вечерняя заря.

Наташа. Скучно с ними. Сидят как сычи, ждут, пока клонет. По-моему, если уж ловить рыбку, так раздеться, невод взять... А так скучно. Ксения, отчего это мне все скучно?

Ксения. Ты какая-то другая стала, Наташа, я замечаю, тоже.

Наташа. Все мне не нравится, все плохо. Деревья б эти срубила, пруд спустила, разбила б в клочья эту каменную дуру. Скажи, пожалуйста: голенькая, и как будто улыбается.

Ксения. Ну, Наташа, дай тебе волю, ты камня на камне не оставишь.

Наташа. Я уж такая уродилась. Если мне хорошо, весь свет Божий зацелую. Плохо — пропадай он пропадом.

Ксения. Ах, Наташа, ты воинственная.

Наташа. Я воинственная, а ты невеста. Вы невесты все такие тихони. (*Обнимает ее*). Дорогая, не сердись, со мной что-то делается. Ты не тихоня, ты невеста. Тебе все хорошо.

Ксения. Я другого характера, Наташа.

Наташа. Ты страшно тихая и серьезная. Я тебе завидую. Ты любишь своего Евгения, он тебя любит... вы имеете такой вид, будто готовитесь, постом и молитвой... (*смеется*) к чему-то такому очень важному...

Ксения. Это, ведь, так и будет. Мы соединяем наши жизни.

Наташа. Ну, я знаю, знаю. Ты, Ксеничка, всегда была такая... умная. Я тебя немножко даже боялась. Ты все Евангелие читала, я помню. И разные философии.

Ксения (*улыбается*). Как ты меня смешно изображаешь...

Наташа. И Евгений тоже ходит... глубокомысленный, точно решает мировые вопросы. А я, если б была невестой, все бы целовалась.

Ксения. Ну, уж, конечно. (*Смеется, гладит ее по волосам*.) Евгений про себя обдумывает что-то. Он ведь замкнутый человек, Наташа. Он может ходить часами молча из угла в угол.

Наташа. Евгений страшно мил, но я бы за

него не пошла, извини меня, Ксеничка. Вот уж именно он очень основателен. Ксения... а что, тебе Николай Николаевич нравится?

Ксения. Мы, кажется, не сойдемся вкусами. Что ж, он очень красивый инженер... Но...

Наташа. А, нет, ты его не знаешь, он только будто бы такой педантичный, а он ужасно славный, ужасно... (*С раздражением.*) И вот они все там рыбу ловят... Ловят, ловят целый день. Всю хотят выловить, что ли?

Ксения. Пускай ловят. Тебе-то что?

Наташа. Нет, противно. Потом затевают пикник какой-то дурацкий.

Ксения. Ты же все это любишь! Почему дурацкий?

Наташа. Любишь, любишь! Ты ничего не понимаешь, Ксения.

Ксения. А ты зря раздражаешься.

Снизу, с пруда голос Фортунатова: "Я поймал леща,
Наталья Михайловна!".

Наташа. Фортунатов! Вот ему и радость.
(*Кричит.*) На здоровье!

Ксения. В нем есть что-то детское, правда.

Наташа. Бог с ним. Он мне безразличен. Скажи мне... Ксения, что, по-твоему, Николаю очень нравится его жена? Ну, фортунатовская?

Ксения. Не знаю, Наташа. Не замечала. Что ты все про Николая да про Николая, какая это ты...

Наташа. Целые дни удят рыбу. И Коля с ней постоянно. Вот уж, право!

Фортунатов вылезает из-под склона. В руках у него ведро.

Фортунатов. Представьте, мне удалось поймать леща, и какого огромного! Признаюсь, меня обрадовала эта победа.

Появляются Марья Александровна, Коля и Николай Николаевич.

Марья Александровна. Ты поймал рыбу?

Фортунатов (*гордо*). Да, вот, Машенька, лещ.

Марья Александровна (*смеясь*). Вижу. И теперь ты полчаса будешь радоваться ему?

Фортунатов. Обыкновенно в жизни – то есть, я хочу сказать не то, чтобы вообще (*обращаясь к Марье Александровне*), а в мелочах ее мне так мало везет, что, действительно, и эта победа доставляет мне некоторую радость.

(Показывает леща). Мирная рыба! Ты дремала в глубине пруда, кушала червяков, и вдруг стала моим трофеем.

Коля. Он мог бы быть и моим.

Фортунатов. Разумеется. Но, однако, поймал его я.

Коля. Если б мне не мешали, очень может быть, что я поймал бы его.

Фортунатов. Да, ведь, я... я разве вам мешаю, Коля?

Коля. Не вы, а Николай Николаевич. Он систематически мешает мне ловить рыбу.

Николай Николаевич. Господин гимназист, вы ошибаетесь. И вообще у вас странный тон.

Наташа. Колька, ты чего ерепенишься?

Коля. Я не ерепенюсь, а вы около моих удочек систематически шумите и отгоняете рыбу, и я против этого всегда буду протестовать.

Марья Александровна. Коленька, вы чего разволновались? Кто там хочет отобрать вашу рыбу? Где этот злодей?

Коля. Марья Александровна... хоть вы... не смейтесь вы надо мной.

Марья Александровна. Я не смеюсь. Я растерзаю обидчика, как дикая менада.

Коля (*хватается за голову*). Ах, зачем,

зачем?

Фортунатов. Позвольте, Коля, ведь, это одно недоразумение... Зачем так остро все принимать, вы так нервны... (*Хочет взять его за руку.*)

Коля. Пустите, ладно, я смешон... не могу больше. (*Убегает.*)

Ксения (*Марье Александровне*). К чему было дразнить? Как, правда, вы не поймете...

Николай Николаевич. Вчера чуть не затял ссору на крокете... будто бы я говорю ему под руку. Бог знает что!

Фортунатов. Быть может, все это и так, но нельзя упускать из виду, что он наполовину подросток. Это такой нежный возраст, когда возможно многое.

Марья Александровна. Я, ведь, все в шутку. Я не думала, что он так примет. Конечно, над ним и нечего смеяться, он славный мальчик... И с характером, как видно.

Николай Николаевич. Однако, если его взять на пикник, он подвыпьет и, наверно, устроит какой-нибудь скандал.

Ксения. Почему непременно скандал? Как ты странно рассуждаешь!

Николай Николаевич. Вот увидите.

Марья Александровна. Это вы

преувеличиваете. Нет, пожалуйста, я хочу, чтобы был Коля. И так мы его обидели, нет, это уж не годится.

Наташа. Куда вы хотите ехать?

Марья Александровна. Я сама хорошенько не знаю. В какой-то Дьяконов косик, так смешно называется лес. Там будто бы есть река, мы будем ловить раков, варить их тут же. Вот роскошь-то! Вечер будет чудесный, ночь теплая, сено там, наверно, есть. Я поймаю рака и заставлю его схватить клешней ус Николая Николаевича.

Наташа. Николай, а вы меня возьмете?

Николай Николаевич. Отчего же не взять.

Наташа (*робко*). Хорошо на пикнике!

Фортунатов. Если и там такая же природа, как здесь, лучшего желать нельзя.

Слышно, как вдали поют девушки, возвращаясь с покоса.

Ксения. О Дьяконовом косике я знаю немного: там река Болва, луга, кажется, хорошо. Лучше всего скажет вам об этом папа. Вот он и идет, кстати.

Наташа (*обворачивается*). Дедушка как-то медленно движется. Будто ему не по себе.

Слева по дорожке выходит Ланин. Он в соломенной шляпе, опирается на палку.

Фортунатов. Скажите, пожалуйста, Александр Петрович, далеко ли отсюда место, называемое Дьяконов косик?

Ланин. Дьяконов косик? Нет, дорогой мой, недалеко. Место хорошее. Раков ловить? Я слыхал, слыхал. Дело. (*Садится.*) Поезжайте. Ох, устал. Годы-то что значат: прошелся немного, и ослабь.

Фортунатов. Вы далеко были?

Ланин. Нет, тут по близости. Так, вообще. Прошелся. Встретил сейчас Колю – он имеет какой-то странный вид. Не то Чайлд-Гарольд, не то романтический убийца.

Фортунатов. Тут, к сожалению, сейчас вышла маленькая неприятность. Он вспылил, потом разгорячился сам и убежал.

Ланин. А-а, ну, так и быть должно. Так и быть должно. Тут всегда так. Влюбляются, ревнуют, бывают и слезы, и истории. Этот парк, знаете ли, чего не видывал. Недаром здесь такая поэтическая сень. (*Оглядывается.*) И ссориться-то место выбрали будто нарочно. Перед лицом Венеры-с, так сказать. Помните, я вам говорил.

Николай Николаевич. Хлам старый.

Ланин. Не совсем верно, дорогой. Тут сколько народу клятвы друг другу давало. И до дуэлей, я вам скажу, доходило. Прежде жили много шире, ну-с, молодежь приезжала стадами, и разные окрестные помещики, военные. Соловьи, ночи летние тогда такие ж были, как теперь, и вздыхали тогда по прекрасному полу не меньше. Покойная жена очень любила это место. Она говорила, что здесь хорошая заря, вот как сейчас, и хорош пруд — замечаете там розовое отраженье? Ну, и на надписи взгляните.

Фортунатов. Сердце... Позвольте, еще — это интересно.

Марья Александровна. Тут надпись: "J'étais né pour l'amour impossible".

Ланин. Видите, что угодно. "Был рожден для невозможной любви", а, конечно, не встретил взаимности какой-нибудь Полины или Eudoxie.

Марья Александровна. J'étais né pour l'amour impossible.

Ланин. Да, а в этом пруду, говорят... барышня одна утопилась.

Наташа. Дедушка, правда?

Ланин. Так говорили. Давно. При Александре Первом. Какая-то Pélagie.

Наташа. Pélagie!

Ланин. Так, ведь, это когда было! А может, и вовсе не было.

Наташа. Не пойду теперь сюда вечером...
Никогда. Вдруг представится.

Ланин. Ну, что там. Мертвые спят мирно.
Спят мирно.

Некоторое время все молчат. Краснеет закат; далеко, на болоте, аукает выпь.

Ланин. Вот, пришел старый, и нагнал уныние. (*В ведерце лещ начинает плескаться.*)
Это что за зверь?

Фортунатов. Мне посчастливилось, Александр Петрович, поймать этот экземпляр на удочку. Позвольте преподнести его вам.

Ланин. Спасибо, благодарю. Экого выудили!

Николай Николаевич. У профессора клюет не переставая. Он только не умеет подсекать, у него часто соскаивает.

Ланин. А-а, это не модель, это надо вам показать. Вы, конечно, этим не занимались, а тут надо сноровку.

Фортунатов. Я был бы крайне благодарен, если бы...

Ланин. Могу показать, могу.

Николай Николаевич. Да мы, ведь, и

удочки там оставили. На вашей, профессор, наверно сидит какой-нибудь гигант.

Ксения. Папа, только, ведь, они скоро должны ехать. (*Вынимает часы.*)

Ланин (*спускаясь*). Я покажу вам маленький карамбль? Карамбль с карасем.

Наташа. Дедушка стал гораздо слабее. Вот он и острит, а не тот, что был в прошлом году.

Марья Александровна. Сколько лет вашему дедушке, Наташа?

Наташа. Шестьдесят шесть.

Ксения. Он, наверно, возвращался сейчас с маминой могилы. Он часто туда ходит. И тогда у него бывает... такой особенный вид.

Марья Александровна. Он ее не забыл.

Ксения. Мама умерла лет двенадцать назад. Она похоронена около церкви, на кладбище. Он поставил на могиле белый памятник, из итальянского мрамора. Там всегда цветы. Когда солнце садится, там прекрасно бывает.

Наташа. Когда бабушка умерла, он чуть с собой не покончил. Почему он не умер? По-моему, если любишь, надо умирать.

Ксения. Почему же непременно умирать? Человек не должен этого делать. Он должен вынести свое горе.

Наташа. Ну, я знаю, ты у нас святая.

Марья Александровна. Если он так страдал, значит нашел человека, который был для него всем.

Наташа. Будто это трудно! Полюбите – он и станет всем. Правда, Ксения?

Ксения. Конечно.

Марья Александровна. Милая Наташа, вы мне очень нравитесь. В вас есть такой хороший огонь... да, вы все берете с плеча, мне это ужасно, ужасно нравится. Вы говорите – люблю – и все тут. Можно вас обнять? Мне хотелось бы вас поласкать.

Наташа. Что ж, ласкайте.

Марья Александровна обнимает ее и целует.

Марья Александровна. Мне хотелось бы, чтоб вы не были так холодны, чтобы и меня вы хоть крошечку полюбили.

Наташа (*смеясь*). Вам нравится, чтобы вас любили. Вы всех ласкаете.

Марья Александровна. Ничего не ласкаю. Так... – я люблю похочотать, дурить, выкидывать разные штуки. Да это пустое. А чего мне хочется? Вот я живу с Фортунатовым, он такой отличный человек, нежный, добрый... Я не

вижу героя, его нет, нет – куда это пропали герои? Вот стоит Венера, она знала это, разве ее спросить?

Наташа. Мы можем спрашивать Венеру. Все мы, женщины бедные, вокруг нее ходим. Я знаю гимн. Слушайте (*обращается к статуе*):

"О, богиня, с трона цветов внемли мне, Зевса дочь, рожденная пеной моря!"

Ты не дай позорно погибнуть в муках Сафо несчастной".

Марья Александровна. Умерли боги, умерли герои. Слушайте, какой сейчас волшебный вечер. Когда я к вам сюда ехала, была такая же ночь: мне казалось – хорошо бы бросить все это, стать дриадой, нимфой гор, полей. Вам не кажется иногда? Знаете, услышать свирель, священную свирель Пана – и сбежать. А?

Наташа. "Ты не дай позорно погибнуть в муках Сафо несчастной".

Марья Александровна. Нет, вы плачете, этого совсем не нужно. Надо ей вот поклониться, ей, смотрите!

С пруда слышен смех и голоса. Фортунатов кричит весело: "Маруся, а-у-у!"

Марья Александровна. Если она не пошлет мне любви настоящей...

Со стороны пруда входят Елена, Фортунатов и Евгений.

Елена. Оказывается, нынче пикник? Это отлично!

Ксения. Да, это придумали как-то быстро. Я только сейчас узнала.

Елена. Диодор Алексеевич показывал нам, как он будет ловить раков. Это умора!

Фортунатов. Маша сейчас опять посмеется надо мной. Ну, хорошо, я смешу Елену Александровну, неудачно подсекаю рыбку, но, ведь, я живой человек... Давно я не чувствовал такого легкого и светлого духа вокруг. Повторяю: сердце мое здесь расцветает, Маша, ты меня понимаешь. Она, например, моя дорогая жена, кажется мне теперь какой-то иной, фантастической... Смотрите, в ней есть отблеск необыкновенного. (*Целует ей руку.*) Нимфа Эгерия!

Марья Александровна. А ты?
(Смеясь.) Ты кто?

Фортунатов. Ну, уж я...

Елена (*сдержанно*). Вы только сейчас заметили, что у вас прекрасная жена?

Фортунатов. Нет, я всегда знал это. Но, ведь, видите ли, я немолод. (*Смеется.*) Вот мое

отчаянье. Знаете, с суконным рылом, как говорят русские, — в калашный ряд. Я рисую быть смешным, снова — но решительно, мне кажется, что здесь, среди молодежи и весны, я помолодел и сам.

Марья Александровна. Елена Александровна, вам можно доверить мужа, когда мы отправимся? Вам это не будет неприятно? А я бы поехала с Николаем Николаевичем.

Фортунатов. Мне кажется, если бы запрячь в линейку, как говорил Александр Петрович, то не стоило бы разделяться.

Марья Александровна (*смотрит на Фортунатова, вполголоса*). Нет, она не пошлет мне любви великой.

Наташа. Мама, я не поеду на этот пикник.

Елена. Почему, Наташа? (*Подходит, обнимает*.) Почему?

Марья Александровна. Ну, иду. Надо узнать, когда это будет. Может, мы верхом поедем. А? Диодор Алексеевич?

Фортунатов. Что ж, узнаем, Машенька. (*Тихо.*) Может быть, и верхом.

Уходят.

Елена (*Nataše*). Детка моя, что грустна?

(Вздыхает.) Я тебя давно не ласкала, я плохая мать, плохая. Прости меня, мой золотой, мой Наташкун. (Целует ее).

Наташа. Мама, я тебе многое должна сказать... (Прижимается к ней.) Отчего это мне все страшно? Мама, правда, в этом пруду утопилась девушка?

Елена. Какая девушка? Кто тебе сказал?

Ксения. Это дедушка сейчас рассказывал. Какая-то барышня. Еще при крепостном праве... Как, право, это странно все.

Наташа. Мама, не могу! (Хватается за сердце, кричит, убегает.) Не могу!

Елена. Что такое?

Ксения (встает, беспокойно). Как она нервна! (Хочет идти за ней.)

Елена. Погоди. Я сама... (В тоске). Ах, ее надо услать отсюда, конечно. Правда, Ксения?

Евгений. Да, ушлите, Елена.

Ксения. Почему ты так говоришь?

Евгений. Я же чувствую.

Елена. Все запуталось! Я плохая мать, Ксения... (Ходит в волнении.) Я сама не знаю, что это с нами делается такое.

Ксения. Не волнуйся, Елена, все уладится.

Елена. Не могу. Не могу не волноваться. Посмотри, что с Натальей!

Ксения. Я знаю.

Елена. Куда ж я ее отправлю? И Николай не уедет... ему теперь здесь как раз интересно.

Евгений. Вам, Елена; надо уехать самой, и увезти с собой Наташу.

Елена. Мне? самой? Как же я... (*досадливо*). А-а, это все пустое! (*Решительно, переходя вдруг в спокойный тон*.) Ну, там видно будет. Ничего я не знаю. Может быть, уеду, может быть, нет, посмотрим. (*Озирается*.) Я легкомысленная женщина. Я полагаю, что надо ехать на пикник. Поцелую Наташу и еду. Пора. Солнце село. Вы будете?

Евгений. Я – нет.

Ксения. И я.

Елена. Ну, конечно. Иду. Закат-то, закат! (*Уходит*.)

Евгений. Елена запуталась, действительно. Не может понять, мать ли она, влюбленная ли.

Ксения. Может быть. (*Пауза*.) Ты ее осуждаешь?

Евгений. Нет, по какому праву? Мне ее жаль скорее. Правда, она попала в тяжелое положение.

Ксения. Как у нас тут все смешалось, в самом деле.

Евгений (*целует ей руку*). Не только у нас,

моя родная. Всюду. Это – жизнь. Знаешь, Ксения, я вот теперь много думаю о наших отношениях.

Ксения. И я.

Евгений. Я думаю так: "скоро вся она будет моею. Я – ее". Знаешь, у меня голова кружится от этого. (*Пауза*). Это такое счастье...

Ксения обнимает его и прислоняется щекой к плечу.

Евгений. Ну, вот. Дальше. Для меня прийти к тебе – это погрузиться в тихий, дивный свет. Будто коснуться вечной правды.

Ксения. Ты слишком любишь. Оттого так говоришь.

Евгений. Нет, это только правда. Но потом я рассуждаю: а имею ли я право на все это? Я, маленький человек, полный страстей, греха?

Ксения. Что ты говоришь, Евгений!

Евгений. Ты, ведь, многого во мне не знаешь. А во мне есть страсти, есть мучительное, тяжкое, только глубоко запрятанное. Что несу тебе я?

Ксения. Любовь. Это главное. Ты, ведь, сам сказал, что ее силой побеждается все.

Евгений. Да, конечно. И любовь моя крепка. Но... меня все же берут сомнения... Нет, не в любви – в этом я уверен. Но я недостаточно

себе нравлюсь, я б хотел быть во сто раз лучше, чище, выше. Одна есть у меня надежда. Мне кажется, что ты... так сильна, что если в жизни я начну плутать, ты меня выведешь на ясный путь.

Ксения. Я простая девушка. Ничего такого замечательного во мне нет, я могу сказать только одно – что тебе я отдаю и жизнь, и душу – все. Все бери, что мне принадлежит.

Евгений. Я так и думал. Видишь, сейчас темнеет, парк становится смутным... даже немного жутким. Вслушайся, может, услышишь здесь жизнь... эту старую жизнь, мятежную, темную... Тут всюду были страсти, может быть, убийство, здесь девушка тонула. Через такую-то жизнь и мы с тобой пойдем. А вон – встает звезда – вечерняя, любовная звезда. Это – ты. Ты меня поведешь, твой свет тихий, ровный. И он очистит меня? Очистит?

Ксения. Я никому тебя не отдам, если б на тебя и нападали. Евгений, я в одно страшно верю: в силу любви своей. Если на тебя посягнут злые силы – я тебя прикрою... любовью.

За сценой шум, вбегает Фортунатов.

Фортунатов. Где же Елена Александровна?

Евгений. Что с вами?

Фортунатов. Там, Бог знает, что происходит... Боже мой, какая неприятность...

Ксения. Что такое, Диодор Алексеич?

Фортунатов. Опять Коля... Он такой несдержанный. Вы знаете... он ударил Николая Николаевича... и вызвал его на дуэль.

Ксения. За что же он его ударил?

Фортунатов. За то, за то... (*молчит*). Николай Николаич, конечно в шутку, поцеловал мою жену. Ксения Александровна, разумеется, это было нехорошо, но, ведь... это в шутку. Не мог же он сделать этого всерьез.

Появляются Коля, которого держит под руку
Тураев, Елена, Наташа.

Коля. Петр Андреевич, я все равно убегу... больше я не могу. Может, это и подло, но я не мог сдержаться.

Тураев. Не волнуйся. (*Елене*). Во-первых, надо скрыть от Александра Петровича. Он старик, и так уж довольно слаб... Дуэли, конечно, никакой быть не может.

Коля. Я ударил человека... Но зачем он... топтать так грубо!

Фортунатов. Однако, Коля, это была шутка с его стороны. Николай Николаевич знает,

что Мари моя жена.

Наташа (*Фортунатову*). Вы... вы...
(Машет руками, от волнения не может ничего
сказать.)

Входит Николай Николаевич. Он очень
взволнован, но владеет собой.

Николай Николаевич. Я требую
удовлетворения. Я не могу этого так оставить.

Коля. Как угодно, извиняться я не буду.

Николай Николаевич (*спокойно*). Я
сумею этого добиться.

Тураев. Во всяком случае, сейчас ничего
нельзя сделать.

Николай Николаевич. Почему?

Тураев. Надо подождать до завтра.

Николай Николаевич. Нет, не до
завтра.

Ксения (*подходит к Николаю
Николаевичу*). Конечно, не до завтра. Этого
откладывать нельзя.

Николай Николаевич. Разумеется.

Ксения. Ты должен извиниться перед
Колей.

Николай Николаевич. Я?

Ксения. Ты.

Николай Николаевич. Да... ты

понимаешь, что говоришь?

Ксения. Вполне. Ты должен извиниться, потому что ты больше виноват, чем он.

Николай Николаевич. Ну, прости, это глупо.

Тураев. Не так особенно... Во всяком случае, своеобразно.

Николай Николаевич. Что вы, сговорились, что ли?

Ксения (*тихо*). Когда ты подумаешь хорошенько, Николай, ты со мной согласишься. Ты видишь, тому... другому Николаю... очень сильно... он ударил человека... но его вина меньше, чем твоя.

Николай Николаевич. Это просто какое-то полуумие.

Ксения. Нет. Это... правда.

Молчание.

Фортунатов. А если не шутка, то...

III

Большая высокая терраса со стороны, противоположной первой террасе. Со средины ее боковые лесенки в сад. Зрителю видна часть цветника перед террасой; у подножия ее — скамейка. Вечер, свадебный ужин на террасе; на всем розовый отсвет заката, окна дома освещены, позднее на стол ставят свечи в колпачках. Центр стола — Ксения и Евгений, против них Ланин, затем остальные; много гостей, есть подростки, кадеты. Цветы, богатая сервировка; шум, смех, чоканье.

Молодой помещик. Господа, тише, потише, пожалуйста! Михаил Федотыч просил слова.

Барыня в пенсне. Слушаем! Милый Михаил Федотыч — он хочет говорить!

Ланин (*звонит по бокалу*). Ти-ши-на!

Михаил Федотыч (*помещик, старик; в дорогой поддевке и красной атласной рубашке*). Я уж что там... какой я там оратор, изволите видеть. (*Встает с бокалом*). Просто... вот с Александром Петровичем мы соседи, ну... там друзья старые, и Ксеничку я помню с самого детского возраста... мамашу покойную знал — достойнейшая была женщина. Я и хочу, тово... от души пожелать ей, как новобрачной, так сказать, счастья, ну, там радостей, детей... Благослови Бог.

Я говорить не мастер, но от всего сердца, ей Богу.
(Подходит к ней с бокалом, обнимает, целует.)
От всего сердца.

Кричат браво, чокаются, веселая суматоха.

Ланин *(хлопая Михаила Федотыча по плечу)*. Федотыч-то у нас... оратор. Мне, пожалуй, отвечать придется, подвел-таки. Мы тут с тобой самое старье... *(тихо смеются)*. Самое старье.

Михаил Федотыч. Ты этак с красноречием, чтобы чувствительно. Я облом деревенский, а с тебя больше спросится.

Ланин. Я облом тоже. Мохом здесь зарос... Ну, что же, и мы пару слов. Видно, надо.

Наташа *(в дальний конец стола, где хихикают подростки)*. Тише вы, дедушка говорит. Т-сс, дедушка, дедушка!

Ланин. Господа, благодарю, во-первых, Михаила Федотыча – и от себя, да и от новобрачных, думаю. За любовь, за теплые слова. Да. Насчет их самих – милых детей моих – ну, они сегодня улетают, могу повторить, что вот он сказал. А там – *(кивает улыбаясь, на конец стола, где молодежь)* – там еще молодость, и по поводу всего сегодняшнего я могу, человек отживший, поднять бокал за это новое племя.

Могу сказать так: "Молодость, здравствуй!" Дай Бог, господа, всем вам вступить в жизнь радостно, пронести через нее дары, отпущеные вам – чисто, светло, ясно. Ваше счастье!

Фортунатов. Браво, Александр Петрович! Браво, браво! (*Подходит к нему.*) Весьма счастлив, что наши взгляды в этом случае совпадают. Именно, пронести через жизнь священные дары. (*Задумчиво.*) Несмотря на все испытания, посылаемые судьбой.

Михаил Федотович. С чувством сказал, старик. Кратко, но с чувством. (*Чокается.*) Золотая голова!

Елена (*Тураеву*). Папа нынче философически настроен. В конце концов он прав.

Тураев. Да, я думаю.

Ланин. А теперь, господа молодежь, так как вам, наверно, надоело сидеть долго – кто желает, можете вставать, в зале танцевать вам можно, скакать, вообще делать что угодно. Разные печенья, варенья, чай вам устроят потом. И только не благодарить, нет, нет, у нас не полагается.

Гимназисты, подростки, барышни с веселыми лицами все-таки благодарят. Встает и кое-кто из взрослых.

Лакеи быстро убирают со стола.

Е л е н а. Надо бы танцы наладить им.

Барыня в пенсне. Ах, я с удовольствием! Для молодежи я с удовольствием.

Л а н и н. Ну, Наташкин, а ты? Ты не маленькая? Пошла, поплясала б?

Н а т а ш а. А? Танцевать? Нет, не хочется, дедушка. (*Пожимается.*) Мне нездоровится как-то.

Л а н и н. Вот какая плохая стала коза! Это нашему брату, ветер-рану (*хлопает по плечу Михаила Федотыча*), простительно. А вам рано. (*К нему же*). Да, брат, слаб становлюсь. И сегодня: и радость, волнение, а как-то устал. Должно на покой пора.

М и х а и л Ф е д о т ы ч. Что ж, золотая голова: кому плясать, а кому – отдохнуть. И мы поплясали. Ну, да авось поскрипим еще. (*Чокается*). Ваше дражайшее.

Л а н и н. Я б не прочь поскрипеть. Посмотреть на детишек, вот Ксеньюшка может внука привезет через год, два. (*Целует ей руку.*) А все-таки жаль мне тебя отпускать... и рад за тебя, и жаль.

К с е н и я. Ничего, папочка, мы приедем.

Л а н и н. А уж нынче непременно? В путь?

Е в г е н и й. Все налажено, Александр

Петрович. (*Вынимает часы*). И времени-то мало... Как раз к поезду опоздаем. Ксения, взгляни, все ль уложено? С полчаса нам и быть тут.

Ланин. Ишь, ишь, как торопится. Всюду б не опоздать.

Евгений. Александр Петрович, жизнь раз дана!

Ксения (*мужу*). Тебе тоже надо... Ты тут не засиживайся... (*Уходит*.)

Михаил Федотович. За границу, батюшка? Хе-хе, вуаяж де носс? Я сам однажды был, и тоже, как с Анной Степановной повенчались. Город Венеция... там разные лодочки, водишка... Чудной народ... но хорошо.

В зале раздается музыка. Слышно, как кричит распорядитель, начинаются танцы.

Ланин. Бал начали! Что, посмотрим, старина?

Михаил Федотович. (*Под руку с Ланиным идут к двери. Евгений уходит*.) Скажи, пожалуйста! И Сережа мой, туда же!

На террасе остались Елена, Тураев, Николай Николаевич, Фортунатов и Марья Александровна.

Марья Александровна. А куда же делся Коля? Почему он не танцует? Где бедный анархист?

Елена. Вы не знаете? Будто!

Марья Александровна. Говорят, удрал. Это правда?

Елена. Извини, Николай... но мне Колю все-таки жаль. Во-первых, он не прав, второе – молод. Да, он сбежал к соседям. Там у него есть друг, тоже молодой романтик...

Николай Николаевич. Вы потакаете ему, женщины. Это не романтизм, а истеризм.

Фортунатов. Коля просто влюблен в мою жену, как и многие. (*Марья Александровна хохочет.*) Чего ты смеешься? Смешного ничего нет. Сегодня за столом говорили о любви хорошо, но кратко. Не выяснили нам ее природы, и не указали, какой огромный оркестр любви есть жизнь.

Марья Александровна. Конечно, тебе не хватало, чтобы все разъяснить, доказать, определить в кратких чертах.

Фортунатов. Ладно, смейтесь. Я вижу над своей головой вечные звезды, мое сердце горит от любви... (*останавливается и говорит спокойно и грустно*) безнадежной, – да, прошу не доказывать мне обратного. И я хочу сказать еще один

панегирик этой любви. Платон, Данте! Великие души, обитающие на тех звездах, впервые говорившие о божественной любви – взгляните на нас! вот тут мы все, так сказать, в этой усадьбе Ланиных, захвачены силой любовного тока, который крутит нас, сплетает, расплетает, и одним дает счастье, другим – горе: мы отсюда подымаем к вам взгляд, как к чистым высотам, остающимся всегда в покое. Венера – дух той Венеры, быть может, что стоит в этом саду, играет нами как щепками кораблей в водовороте.

Николай Николаевич. Диодор Алексеич, не заноситесь! – Слишком возвыщенно.

Фортунатов. Нет, я прав. Все мы переживаем драмы, а если молчим, это ничего не значит. Я продолжаю: играет Венера не одними нами, а всей жизнью, всем миром, ибо его основа – любовь. Но и мы возносим хвалу этой вечной и святой стихии. Мы должны лишь очистить ее, принимать в том светлом сиянии, как виднелась она вам, великие учителя.

Тураев. Почему вы смеетесь, Марья Александровна?

Марья Александровна (взволнованно). Я не смеюсь. (Хлопает Фортунатова по плечу.) Бедный рыцарь Кихада!

Фортунатов. Тот безумец был великим,
ты забываешь!

Марья Александровна. А под носом
тоже ничего не видел.

Входит Наташа.

Наташа. Господа, сейчас уезжает Ксения.

Марья Александровна. Ксения
уезжает?

Фортунатов (*не обращая внимания, жсene*). Позволь, почему ты думаешь, что я не замечаю?

Входит Ксения, Евгений. Они в дорожных
костюмах, несколько взъярлены.

Ксения. Вот я и уезжаю... из отчего дома. С
папой не могу тут прощаться, пожалуй,
расплачусь. (*Целует Елену.*)

Елена. Милая – прощай! (*Обнимает ее*).
Мне с тобой тяжело расставаться именно теперь...
Точно ты ангел тишины, мира. Ты от нас уйдешь,
жутко станет. (*Стоят обнявшись.*)

Тураев (*Евгению*). В Мантуе остановитесь,
хоть на день. Не будете жалеть.

Евгений. Постараюсь, непременно.
(*Оборачивается.*) Ксения!

Ксения. Сейчас. (*Крестит Елену.*) Время для вас тяжелое, я же вижу. Будьте счастливы, все здесь счастливы. Наташа, дорогой ты мой! (*Обнимает сквозь слезы.*) Я бы еще была радостней, если бы у вас тут... ну, дай Бог, дай Бог.

Лакей (*в дверях*). Барыня, Александр Петрович вас ждут-с, и лошадки поданы.

Ксения. Я буду тебе писать. (*Громко.*) Иду, иду. (*Прощается с присутствующими, выходит с Евгением.*)

Николай Никolaевич. Проводы, бал, все блестяще.

Выходит с Марьей Александровной. За ними остальные, кроме Наташи, Фортунатова.

Фортунатов. Да, да, все блестяще. (*Наташе*). А вы не провожаете тетку?

Наташа. Нет.

В зале музыка смолкает, слышны крики: "Прощайте, Ксения Александровна! Всего лучшего" и т. д.
Некоторая суматоха.

Фортунатов. Мне тоже, должен сознаться, не хочется. Ну, да я другое дело. Но вот вы... Я смотрю на вас, Наталья Михайловна и, как

дедушка ваш, не могу не удивляться, что вот вы, совсем еще молодая девушка, полуребенок, так прочно впали в меланхолию.

Наташа. А! В меланхолию. (*Помолчав.*) А какая была по-вашему эта Pélagie... помните, дедушка рассказывал?

Фортунатов. Вот – и снова ваша мысль обратилась к образу, который должен вызывать печаль. Между тем, вы имеете столько данных для прекрасной и богатой жизни.

Слышны колокольчики, шум уезжающего экипажа.

Наташа. Вы мало видите вокруг себя.

Фортунатов. Позвольте, то же самое сказала мне сейчас жена, и я по-прежнему ничего не понимаю. Я вижу, что вы из веселой жизнерадостной девушки, какой я помню вас в первые дни моего приезда, стали мрачной; что на меня все как-то странно смотрят, в особенности после этой... неуместной, быть может, шутки Николая Николаевича, и истории с Колей.

Наташа. Ну... хотите, я вам прямо все скажу?

Фортунатов. Конечно, хочу, конечно.

Наташа. Мужем Марии Александровны будете не вы, а Николай Николаевич. (*Отходит.*)

Фортунатов молчит.) Что бы вы сделали, если б убедились в этом?

Фортунатов. Я... я... все так странно, я просто удивлен. (*Волнуясь.*) Вы мне говорите такие вещи!

Наташа отходит в дальний угол террасы и садится в лонгшез.

Наташа. Такие вещи, вещи. (*Резко.*) Если б я была мужчиной, я б убила соперника.

Из дома выбегает группа подростков и молодежи.

Девочка лет четырнадцати. Ух, жарко! Наташа, что ж ты не вышла к Ксении Александровне?

Кадет. Господа, одну минуту, не разбегайтесь!

Гимназист. Соня, вы со мной? Визави Павлик и Дебольская.

Соня. Нет, я ему обещала. (*Дает руку кадету.*)

Гимназист. Это предательство, Соня, вы согласились.

Второй кадет (*подлетает к Наташе*). Смею вас просить?

Наташа. Кадриль? Нет, устала.

Кадет. У нас и взрослые танцуют – Марья Александровна.

Наташа. Не могу. Просто, не могу сейчас.

Кадет кланяется. Входит Елена с Тураевым.

Елена. Ну, вот бал в полном ходу. Хорошо, хоть эти веселятся. Дедушка бедный расстроился, ушел к себе.

Распорядитель в зале кричит: "Messieurs, engagez vos dames".¹

Кадет. Ну видите, я же говорил, пора...
Соня, вашу руку.

Гимназист. Ах ты Боже мой, у меня до сих пор нет дамы.

С шумом убегает.

Тураев. Бог мой, как все выросли! Все дети соседей, земцев наших, давно ли ходили под столом, а теперь туда же... (*Вздыхает.*) Того и гляди тоже начнут ревновать, ссориться.

Елена. Это мы с вами стареем, Петр Андреич, оттого нам и кажется, что время идет быстро.

Тураев. Конечно, стареем, конечно. Но над нами жизнь еще так же сильна, как и над ними.

Елена. Как еще сильна! (*Подходит к перилам.*) Вот Диодор Алексеич говорил о звездах, о любви. (*Кладет голову на перила. Фортунатову.*) Понимаете ли вы, как вы хорошо сказали? Понимаете ли вы себя, — знаете ли вы, кто вы?

Фортунатов. Ну, как это сказать. Фортунатов, Диодор Алексеич.

Елена. Нет. Вы милый, чудесный поэт, ученый фантазер. Кто в наше время увлекается звездами, Данте, любовью? Вы не понимаете сами, не чувствуете своего духа... потому что вы скромны.

Фортунатов молчит. Тураев медленно спускается с лестницы в сад.

Елена. Да, я говорю правду, это же так, я знаю (*Тураеву*). Вы куда уходите? Почему? Я веду себя неприлично? Вы меня не одобряете, Петр Андреич?

Тураев (*сдержанно*). Нет, я никого не порицаю. Я... спускаюсь. Ночью в цветнике особенно благоухают левкои.

Сходит еще несколько шагов. Дойдя до последней

ступеньки останавливается и стоит некоторое время молча.

Елена. "Укрыть покровом темной нощи... темной нощи".

Быстро входит Марья Александровна.

Марья Александровна. Да, довольно.
(Подходит к мужу, энергически хлопает его по плечу.) Довольно, мой друг. Не сердись на меня.

Фортунатов. За что мне сердиться?

Марья Александровна. Ты можешь на меня иметь сердце, я была плохой женой. Ты заслуживаешь лучшего. Тебя должна любить тихая Гретхен, и вы с ней будете вздыхать.

Фортунатов. Но к чему ты все это говоришь?

Марья Александровна. К тому, что я отсюда уезжаю.

Фортунатов. Куда? Да почему ты уезжаешь, Машенька?

Марья Александровна *(делает неопределенный жест рукой)*. Так, вообще. Я не одна еду.

Николай Николаевич тоже уходит. Наташа вскакивает с лонгшеза и сбегает в сад.

Марья Александровна. Я своей жизни никому не отдам. Я проживу ее сама – как найду нужным, и чтоб умирая могла сказать: "Кончено. Все знаю". (*Мужу, мягче*). Ты – первое поприще мое. Я вышла замуж девчонкой, и во мне силы спали долго, долго. Ты мил, но ты мягок, слаб. Ты не герой?

Фортунатов (*тихо*). Да... не герой...

Марья Александровна (*возбужденно*). Слышишь? Слышишь вальс? И Ксения, и Евгений – все туда, к солнцу. Я тоже хочу танцевать. Мы должны танцевать сейчас.

Убегает. Музыка сильней, кружащиеся вихрем силуэты в окнах.

Фортунатов (*медленно подходит к Елене*). Я не Кихада, я смешной муж, профессор, чудак, которого едва терпят. (*Улыбаясь кротко*.) Вот они, туманно-обольстительные предчувствия, с которыми я сюда ехал. А вышло, Елена Александровна, что моя жизнь кончилась здесь, в усадьбе Ланиных.

Елена. И моя.

Фортунатов. Почему же ваша?

Елена (*берет его за руки и смотрит в глаза*). Потому что... Все эти месяцы я терзалась и

была счастлива, что вы тут – прекрасный, прекрасный... Ну, ладно, я заболталась. Но я именно хочу сказать...

Лакей (*в дверях*). Елена Александровна, чай подан на том балконе-с.

Елена. Хорошо, иду. (*Быстро уходит.*)

Фортунатов сидит молча, потом встает и медленно спускается в сад.

Фортунатов. Елена Александровна любит... Как все странно.

Навстречу из сада медленно приближается Тураев под руку с Ланиным.

Ланин. Да, милый ты мой, все меняется, все. (*Фортунатову*). Что, профессор, и вы устать изволили? (*Садится на скамейку у подножия террасы.*) Тоже свежего воздуху захотели? Нынче шумный был день, ах, какой шумный. Церковь, венчание, все эти образа, пение, утомляют...

Тураев. После этого отдохнешь сейчас. Взгляните, роса, сеном пахнет, звезды.

Ланин. Я вас понимаю, да, да, дорогой. Лучше неба ничего нет на свете. Звезды столь прекрасная вещь, что легенды о том, будто там

живут души умерших, не кажется мне
бессмысленными.

Фортунатов. Эти легенды вечны.

Ланин. Старческий мистицизм.

Тураев. Диодор Алексеич хорошо говорил
нынче о вечном круговращении жизни и любви.

Ланин. Жаль, я не слышал. (*Помолчав.*) А
теперь Ксеньюшка наша далеко. Пожалуй, к
станции подъезжают. Вот она и жизнь-с!

За сценой, направо от дома, отдаленный шум. На
террасе показывается Елена.

Елена. (*Взволнованно, глухим голосом.*)

Петр Андреич!

Тураев. Я здесь.

Елена. На минуту.

Тураев встает и быстро всходит наверх.

Ланин. Что это Елена – встревожена?

Фортунатов. Но вообще Елена
Александровна сегодня очень нервна.

Тураев и Елена шепчутся, потом из дому выбегает
лакей, что-то говорит им.

Елена (*вскрикивает*). Наташа?

Оба быстро выходят.

Ланин. Что такое? Она сказала – Наташа?

Фортунатов. Да, как будто. (*Встает и торопливо подымается.*) Вы не беспокойтесь, Александр Петрович, я сейчас узнаю и скажу вам. Может быть, легкое нездоровье...

Ланин. Нет, уж нет, я сам. Нет, уж я не могу. (*Старается поспеть за ним, но ноги плохо слушаются.*) Старость, старость. Господи, что такое, отчего Елена так закричала?

На террасе на него налетает молодежь.

Распорядитель (*в дверях*). Господа, в эти двери выход, да там растворите, захватывать весь балкон и обратно в зал. (*Ланин пробирается с трудом к двери в кабинет*). Анна Ефимовна, галоп пожалуйста! (*Хлопает в ладоши*). En avant, en avant! (*Мчится в голове змеевобразной цепи молодежи, которая хохоча, сваливая по дороге стулья, облетает вокруг стола и вносится в другую дверь залы.*)

Михаил Федотович (*в дверях*). Затолкают, прошу покорно. Затолкают живьем, как на Ходынке.

Б а р ы ш н я. Михаил Федотыч, берегитесь!

К а д е т (*с хохотом*). Дорогу, дорогу!

Михаил Федотыч. Ишь разгулялись! Да не я ль вас собью? (*Смеясь, загораживает собою вход, на него наскакивают, хохот, образуется давка, из которой он со смехом выбирается на балкон.*) Где же Петрович? (*Прикладывает руки к губам рупором, кричит.*) Алек-сандр Петрович!!

Из сада выбегает Николай Николаевич.

Николай Николаевич. Не кричите! Фу, ты, Боже мой! Сумасшедшая девочка.

Михаил Федотыч. Что такое? Милый мой?

Николай Николаевич. Наташа в пруд бросилась, вот вам и милый.

Михаил Федотыч. Да не может быть!

Николай Николаевич. Мы с Марьей Александровной гуляли... ну, я же и вытащил. Хорошо еще – скоро захватили.

Михаил Федотыч. Милый мой, что ж такое? (*Хватая его за руку.*) Да жива ль, жива?

Николай Николаевич. Ну, теперь там тьма народу... Да. Жива. Опоздай я на минуту... (*Резко машет рукой.*) Чуть сам не пропал с ней.

А уж как плаваю. Фу, ты, Боже мой! Коньяк-то есть ли? Не могу. Напьюсь нынче. Да, жива. Пульс, ну... все как следует. (*Из залы крики: "Анна Ефимовна, шестую! grand rond!"*) И эти идиоты орут.

Оба быстро и взволнованно уходят. Из зала снова вылетает молодежь, затопляет собой террасу, музыка бравурней, все быстрей темп, с визгом, хохотом несется второй grand rond, опрокидывая стулья, обрываясь местами. Из сада бежит Фортунатов.

Фортунатов. Тише, господа, перестаньте, пожалуйста! Остановите музыку.

Рояль заливается, цепь мчится быстрей.

IV

Зала с огромными окнами и дверью на балкон. Все растворено. Далекий вид за реку, в поля. День опаловый, слегка накрапывает дождь, но по временам выглядывает солнце, тогда сияют старые золотые часы на подзеркальнике, светятся зеркала под тонким слоем пыли. Тихое благоухание лета. Тураев сидит в креслах, перед ним ходит Николай Николаевич, заложив руки за спину.

Николай Николаевич. В сущности, надо уезжать. Понимаю. Смущает болезнь Александра Петровича – а у нас и вещи уложены.

Тураев. Разумеется, ему будет это тяжело. Но и атмосфера здесь у нас нелегкая. Вы забываете, что Наташа едва оправилась. Фортунатов тоже Бог знает на что похож, хоть и крепится. Да и Елене Александровне было бы легче, я думаю.

Николай Николаевич. Вы говорите: у нас, у нас. (*Улыбается.*)

Тураев (*смузенено*). Да, я не имею права этого говорить, вы так точны и пунктуальны... (*Встаем.*) Конечно, я в этой усадьбе чужой человек, но... да вы понимаете, я так часто здесь бываю... ну да, так тут много моего, я забросил земство, дела по имению...

Николай

Николаевич

(останавливаясь перед ним). Не надо говорить. Я же знаю. Пунктуален, точен. Я был педантом, Петр Андреич, а теперь я другой человек. Я когда-то любил Елену.

Тураев (морщится). Ах, не говорите. Этого вы не можете понять.

Николай Николаевич. Ну, конечно, не могу. Я теперь не могу понять, потому что принадлежу другой. (Резко.) А-а, свернет она мне шею, но и я... Я человек горячий. Тоже за себя постою.

Тураев. А по-моему, это счастье.

Николай Николаевич. Какое там счастье?

Тураев. Если женщина, которую любишь, свернет тебе шею.

Николай Николаевич. Разумеется! Вы мечтательный член училищного совета. (Подумав.) А может, вы и правы.

Тураев. Прав, конечно. Возвращаясь же к нашему разговору – я бы все-таки уехал на вашем месте.

Николай Николаевич. Марья Александровна то же говорит. А как уехать?

Тураев. Просто... бежать. Александру Петровичу скажем, что вы уехали в гости, потом что-нибудь придумать, что вас экстренно

вызвали... и не говоря всего... кончить.

Николай Николаевич. Да. Так.

Тураев. Велите запрячь пару в тележку, два чемодана... Марья Александровна может вас встретить за парком – и конец. Никаких прощаний не нужно. Оставьте письма, кому захотите.

Николай Николаевич (*решительно*). Верно. Вы способны дать хороший совет.

Тураев (*с улыбкой*). Да, только не по отношению к себе.

Николай Николаевич. Решаться, что ли? (*Вынимает часы*.) Сегодня в семь к поезду – и все сразу – конец. (*Звонит*.) Ладно, едем. Только никому, пожалуйста. Наташе, мужу – никому. Особено Наташе. (*Входит лакей*.) К семи мне пару в тележку. Не запаздывать, прошу покорно.

Лакей кланяется и уходит.

Тураев. Я Наташе не скажу, конечно. Но по-моему, это не подействовало бы так, как вы думаете. Она имеет вид много пережившего человека, перемучившегося.

Николай Николаевич. Мне жаль ее. Хорошая девушка. Почему-то меня полюбила...

глупо! А Александр Петрович не встанет. Жаль старика, да что делать.

Входит Елена. Она видимо расстроена. Садится на диван.

Елена. Папа заснул сейчас. А тут эта молодежь во флигеле... Положим, они приехали на два, на три дня и скоро уезжают... но уж у нас все так невесело... Этот... в воскресенье... доктор хоть и говорит, что при покое опасности мало, а я как-то смущаюсь.

Тураев. Как вы устали, Елена Александровна!

Елена. Да, еще, Николай: здесь Коля, ты знаешь, он нынче вернулся, и теперь они с Наташей отбывают обязанности гостеприимства. Но Коля просил поговорить с тобой. Он просит у тебя прощения. Николай, кончи это жалкое дело.

Николай Николаевич. Можно. Это все пустяки.

Елена. Да? Отлично. Петр Андреич, позовите его, он тут рядом, в комнате. Я на всякий случай взяла его с собой. (*Тураев подходит к двери и зовет: "Коля". Коля входит.*)

Тураев. Вот и он.

Елена (слабо). Ну, миритесь.

Тураев. Может быть, нам уйти?

Коля. Не надо. (Приближается к Николаю Николаевичу.) Николай Николаевич, я сделал гадость. Меня мучает это. Я прошу у вас прощения.

Николай Николаевич. Вздор. Вашу руку. (*Жмет ее*). Вот и все. Драться-то, вообще говоря, не стоит, ну, что поделаешь. Я сам раз дал по физиономии. Да и тут, в этой усадьбе такая путаница, что никто ничего не разберет.

Коля (*мрачно*). Просто я был подлец. Человеческая личность священна. Я оскорбил ее, пошел против своих же принципов. Это гнусно.

Николай Николаевич. Забудьте.

Коля. Нет, всего не забудешь! (*Елене*). Тетя Елена, отчего все так странно выходит? Ты меня помирила с Николай Николаичем, а в сущности лучше бы было, если б я вызвал его тогда на дуэль, и он убил бы меня.

Елена. Вот и ты, Коля, думаешь все, Бог знает, о чем.

Коля. Наташа храбрая. Она как мужчина сделала.

Тураев. Но позвольте, почему же все должны лишать себя жизни, убивать, топиться? Я никак не пойму.

Коля. У кого в глазах видна смерть, должен встретить ее смело.

Тураев. Но если так рассуждать, то придется чуть не всем нам...

Коля. Что ж, дерзайте. Неужели покориться слепой жизни?

Тураев. Не то, чтобы покориться, — но принять страдания жизни... любви.

Елена. В людях очень молодых, Тураев, чувства бурней, непосредственней наших. Вы не докажете им, что на человека возложено некое бремя, может быть, не от мира сего. Страсты зовут их в бой.

Тураев (*горячее*). Да, но мы — мы, быть может, не менее их страдаем — и должны же мы все-таки сказать им нашу правду о жизни.

Елена (*наигрывает*). Да, конечно. Только они будут поступать по-своему.

Николай Николаевич. Что касается меня, я больше согласен с Колей, чем с вами.

Елена. Разумеется.

Тураев. Нет, вы не правы. Жизнь есть жизнь — борьба за свет, культуру, правду. Не себе одному принадлежит человек. Потому и в горе... надо, чтоб он был выше себя, выше счастья.

Коля. Может быть. Не хочу сейчас спорить. Николай Николаич, пойдемте, помогите мне занимать этих гостей моих, если правду на меня не сердитесь. Сыграем, что ли, в теннис.

Николай Николаевич. Идем. Пусть они философствуют.

Елена. Только подальше от дома, ради Бога. Все же помните: папа болен. (*Вздыхает.*) И по моему – серьезно.

Коля с Николаем Николаевичем выходят, Елена по-прежнему наигрывает на рояле. Некоторое время молчание.

Елена. Как расцвел мой муж! Вот она, любовь. Он посредственность, самый средний человек из средних, а глядите: он теперь другой.

Тураев. Да. Они едут сегодня. По моему совету. Чуть ли не тайком, в тележке, чтобы не расстраивать никого, Александра Петровича не беспокоить.

Елена. Так. Это хорошо.

Тураев. Они едут, мы остаемся. (*Встает, подходит к ней.*) Елена Александровна!

Елена. Да.

Тураев. Можно вам сказать одну вещь?

Елена. Говорите, друг мой.

Тураев. Ну... ответьте мне. Но только так уж... по совести. Вы знаете, что я вас люблю?

Елена (*закрывает рояль, опускается лбом к его крышке*). Знаю. (*Протягивает ему руку.*) Милый мой, милый мой. Мне нечего вам сказать.

Тураев. Я, ведь, знаю, вы любите другого. Но вы так прекрасны! Я не могу вам не сказать этого. Мне как-то жутко с вами, я все больше молчу, или если говорю, то пустое. Это потому, что если буду говорить вот так, как сейчас, то не выдержишь, ведь.

Елена (*сквозь слезы*). Боже мой, Боже мой!

Тураев. (*целует ей руку*.) Светлая моя заря, чистая заря.

Елена (*чуть-чуть улыбается*). Ах, Тураев, разве теперь говорят так? вы отживающий тип...

Тураев. Пусть отживающий. Я так чувствую.

Входит лакей с почтой.

Лакей. Газеты-с, повестка и заказное.

Елена. Сюда давайте. (*Берет письмо*.) А, Энгадин. От наших. (*Читает про себя*.)

Тураев. Может быть, в вашей усадьбе, где есть масонские книги, Венера восемнадцатого века, бюст Вольтера – все пережиток. И лакей этот пережиток. Ну, и я тоже.

Елена (*оживленно*). Слушайте! Это письмо от Ксении. (*Читает вслух*.) "Дорогая Елена, я немного безумная, так я счастлива. Третьего дня мы встречали утро в горах, у снежных вершин.

Было розово, прозрачно, и так тихо, что казалось, будто весь мир внизу, видимый так беспредельно далеко, отошел от нас совсем. И когда я вспомнила всех вас, мне вдруг стало так больно за вас, и так стыдно за свое счастье. Потом мы вернулись, и дома я читала Евангелие. Я думала о жизни, о счастье, и неожиданно мне стало казаться, что стыдиться счастья нечего. Не так же ли оно священно, Елена, как и горе? Ах, я хотела бы видеть сейчас тебя, говорить с тобой: может быть, то, что я написала, неправда, и я стараюсь просто оправдаться?" (*Елена опускает письмо.*) Нет, оправдываться не в чем. Ну, конечно, она права: "Счастье священно так же, как и горе".

Тураев. Помните день, когда она пришла из полей с золотистым отблеском в лице, и Наташа назвала ее "золотой королевой". Это был день их обручения.

Елена. Вот оно счастье и есть! (*Встает, прохаживается.*) Рядом с ними – с вами, со мной, жизнь выращивает нежные цветы и на них изливает всю силу радости. Вы думаете, Тураев, я завидую? (*горячо*). Нет, я клянусь вам: нет. Наоборот, меня радует это... очень, очень. Значит, говорю я себе: не оскудела еще рука дающего. (*Останавливается у двери; удивленно.*) Боже мой, папа? (*Из другой комнаты голос:* "Ну да,

да, что ж удивительного". Входит Ланин, очень медленно, опираясь на палку и на плечо Наташи.)

Ланин. (*Он сильно изменился, осунулся и ослаб.*) Вот и пришел, старик плантатор. Медики говорят: двигаться нельзя, а я взял и вышел. Скучно мне лежать, Елена. Я б хотел пройтись по дому, и даже, и даже... (*Начинает волноваться.*) Где моя шляпа соломенная, Елена?

Елена. Шляпу я найду, да куда ты хочешь, скажи пожалуйста?

Ланин. Заснул сейчас немного, и во сне видел Наденьку. Так вот я хотел бы да...

Елена. Папа, милый, вам нельзя же.

Ланин. Знаю, знаю. И все-таки... ну, пойду. Не говори мне пустого.

Елена. Да тогда вас можно в кресле докатить.

Ланин. Не хочу. Я не грудной младенец... в колясочке.

Тураев. Александр Петрович, ведь, сейчас и дождик начался. Перестанет, тогда пойдем, я берусь вас провести.

Ланин. Дождик. Это неприятно. Да вы все хитрые, я понимаю. Вот Наташенька бы меня и без дождика провела. Хорошо, переждем. Так обещаешь меня доставить, Андреич?

Тураев. Непременно.

Ланин. Так, так. (*Берет газету.*) А-а, почта. Новенького нет ли?

Елена. Папа, письмо от Ксении, из Швейцарии.

Ланин (*сразу проясняется*). Да ну! Это мне приятно. И хорошее письмо?

Елена. Очень, папа. Она страшно, страшно счастлива.

Ланин. Вот уж это хорошо. Слава Богу. Рад за Ксюшеньку. И вернется скоро?

Елена. Этого не пишет. Ведь, они предполагали на полгода.

Ланин. А ты ей напиши, чтобы точно ответила. (*Вздыхает*.) Вот это вот хорошо, что она счастлива. (*Еще тише*.) Этому, Елена, я весьма рад, скажу прямо. (*Пауза*.) Я теперь стал что-то подолгу задумываться: сижу, и думаю... точно вперед заглядываю. И все так выходит, что тебе, Елена, и Наташеньке... да, вы хорошие очень дети... только вам как-то выходит хуже, а Ксении получше. Может, это я из ума уже выжила, но так мне мерещится. Потом еще эта барыня... Марья Александровна — тоже огневая. Эта сокрушит многих.

Елена. Ах, папа, вы меньше думайте! Вам надо лежать тихо, и смотреть, как солнце светит,

как цветы растут.

Ланин. Я и делаю так, милый друг. Я стараюсь. Мне вот Наташенька – радость, я бы ей что-нибудь помогал учиться... Ну, там какие-нибудь переводы, по истории... Жалею, что нет детей совсем малых... мне это все доставляет большую радость. (*Тураеву.*) Вот бы вас женить, что ли, Андреич, вы бы со своими детишками тут около меня толкались.

Тураев. Я стар, Александр Петрович.

Ланин. Ну да, да, стар, рассказывайте!

Елена. Слушай, папа, а тебе не мешают гости? Молодежь приезжая? Они так шумят, я просто не могу их унять.

Ланин. Племя молодое, незнакомое? Нет, нисколько. Пусть поглядят. В мое время играли в *petits jeux*², теперь разные футболы. Что ж, если им нравится, пусть и футболы.

Елена. Они нынче чуть не с утра беснуются. (*Подходит к балконной двери.*) Вот теперь все сюда валят. (*На балконе шум, видны гимназисты, кадет, барышни.*) Тише, тише, здесь дедушка, нельзя шуметь.

Ланин. Елена, пусти их, пусти. Я чувствую себя недурно.

Кадет (*в окно*). Здравствуйте, Александр Петрович, как ваше здоровье?

Ланин. Здравствуй, воевода. Ну, идите сюда!

Елена (*в дверях*). Только, пожалуйста, тише, очень вас прошу.

Вваливается вся компания, с ними Коля, Николай Николаевич, Марья Александровна. Голоса: "Здравствуйте, дедушка, да вы совсем здоровы! А говорят, вы больны. Мы-то беспокоились".

Ланин. Племя молодое, незнакомое. Ну, как футбол?

Кадет (*указывая на гимназиста*). Он в голкиперы не годится, продули, конечно!

Гимназист. И совсем я ни при чем. Надо лучше бить. А беки такие возможны? Посмотрели бы у англичан.

Отходят, споря.

Ланин. Елена, сыграй им, пусть бы потанцевали.

Девочка. Господа, вальс, дедушка разрешает. Вальс!

Елена. Хорошо, пускай. Я буду играть негромко, и вас тоже прошу: ради Бога, не очень свирепствуйте.

Ланин. Ну, чего там! Марья Александровна, и вы, прошу покорно.

Марья Александровна. Если позволите, я с удовольствием. (*Тише*). Только мне б как раз темп побыстрей.

Ланин. Я вас знаю! А вы повинуйтесь.

Гимназист. Вальс, вальс! (*Подлетает к барышне*).

Елена играет, пары вступают в танец. Ланин постукивает в такт ногой.

Ланин. Браво, браво, браво! Господин кадет, покойнее. Козлуете, батюшка. Коля, ты чего ж?

Наташа. Коля, я тебя приглашаю на тур.

Коля (*улыбается печально*). Что ж, идем. Танцы глупость... конечно, если хочешь...

Танцуют некоторое время.

Ланин. А по-моему танцы отличная вещь. Как-никак, много красоты.

Тураев. Я люблю, тоже.

Ланин (*вдруг утомленно*). С удовольствием поглядел бы еще, да вот все... (*откидывает голову на спинку кресла*). Туман, знаете ли, какой-то, в голове... сердце плохое. Плохое

сердце. И как будто все начинает плыть.

Тураев. Елена Александровна, довольно.

Елена (*обворачивается*). Ну, я же говорила. (*Перестает играть.*) Папа, сделай мне удовольствие, пойди, ляг.

Ланин (*довольно слабо*). Ах, да, да... Я сам знаю. Жаль, ведь, уходить-то. Смотри, вот все славные дети, солнышко опять засветило... Да, но надо, конечно.

Танцы кончились – голоса: "Дедушка, давайте, мы вас проводим. Обопритесь на меня. Крепче, не стесняйтесь. В спальню?" Куча молодежи, окружая его, поддерживая, сопровождает до двери. Марья Александровна и Николай Николаевич остаются, также Коля.

Елена. Положение папы серьезно. От каждого волнения, сильного движения может быть кровоизлияние, и тогда...

Марья Александровна (*быстро подходит к ней*). Елена Александровна, вы знаете?

Елена. Ах да, насчет вас?

Марья Александровна. Да. Мы сегодня едем.

Елена. Знаю.

Марья Александровна. Мы решили

вещи пока здесь... оставить. Берем мелочи, все уложено уже в тележку. Мы не будем ни с кем прощаться, только с вами. Выйдем за парк, как бы для прогулки... Мы идем сейчас. Седьмой уже (*вынимает часы*). Фортунатова я не хотела бы видеть. Ну, так, хорошо. (*Взволнованно.*) Я приехала, много зла, кажется, внесла в эту усадьбу Ланиных, но уж значит так вышло...

Елена. Значит, такая ваша судьба. (*Николаю Николаевичу.*) Прощай и ты, мой муж. Было когда-то время и для нас с тобой, было, да прошло. Теперь ты давно уже мне чужой. Но о прежней любви... что ж, сохраним хорошие воспоминания.

Марья Александровна (*возбужденно*). Мне и жутко, и радость какая-то есть. Здесь, у вас повернулась моя жизнь. Была я мирной профессоршей, а теперь надо забыть все это. Ну, прощайте. (*Жмет руку Тураеву, быстро выходит. В дверях*): Николай, сейчас надену шляпу, зонт возьму, плед. Ты аккуратно заказал тележку? К семи?

Николай Николаевич. Да. Иди. (*Марья Александровна исчезает. Николай Николаевич задерживается на минуту.*) Ну, Елена?

Елена. Ты про что?

Николай Николаевич. Сгубит меня эта женщина?

Елена (*молчит*). Не знаю. (*Тихо*). Может быть.

Николай Николаевич. Все равно. Едем. (*Кланяется, быстро идет к выходу*). Разве мы в своей власти? (*Исчезает*.)

Турاءв. Развязка.

Елена. Да. И... пора. Надо услать отсюда Фортунатова.

Турاءв. Надо. Только меня не усылайте. Я, ведь, вам, Елена Александровна, мешать не буду.

Елена. Боже мой, конечно. Я уж что... Они (*указывает на дверь, куда ушли Николай Николаевич и Марья Александровна*) еще надеются. Но... не я. Так, хорошо. Где Фортунатов?

Турاءв. Все это время у себя, во флигеле. Что-то работает.

Елена. Милый мой, позовите его.

Турاءв. Вы... сами скажете?

Елена. Да.

Турاءв (*пожимается*). Ну, хорошо. Иду.

Из дверей, куда ушел Ланин, возвращается молодежь.

С ними Наташа. Стараются идти без шума.

Гимназист Александр Петрович лег.

Б а р ы ш н я. Все-таки, какой он бледный, Елена Александровна.

Е л е н а. Ну, хорошо. Господа, дождь перестал, можете идти теперь в парк, или куда-нибудь. Чай будет в семь, на террасе.

К а д е т. Господа, поедемте на лодке. Софья Михайловна, как вы находите?

Б а р ы ш н я. Отлично. Поедем по пруду, будем петь хором, Наташа, вы с нами?

Н а т а ш а. Нет, благодарю. Я останусь.

Б а р ы ш н я. Ах, жаль... Ну, как хотите.

Уходят в балконную дверь.

Н а т а ш а. Не пойду я с ними. Устала.
(Опускается около кресла на пол.) Не хочется. Я с тобой побуду, мама.

Е л е н а *(садится в кресло и обнимает ее)*. Хорошо, Наташа, ты сделала. Мы так давно вместе не были.

Н а т а ш а. Давно, мама. Чуть не все лето.

Е л е н а. Милая девочка моя... милая девочка
(гладит ее по волосам и целует).

Н а т а ш а. Как ты думаешь, мама, почему это?

Е л е н а. Ах, Наташа, я все хотела с тобой говорить. Это лето было такое странное, и

тяжелое.

Наташа. Ты тоже, мама, много страдала.

Елена. Мой друг... я была плохой матерью. Ах, я часто казнилась, но все не могла к тебе подойти.

Наташа (*кладет ей голову на колени*). Ты меня не разлюбила, мама? Мне было так страшно. Вдруг и мама меня не любит? (*Елена плачет и ласкает ее*). Ну, конечно, нет, я понимаю. (*Пауза*). Мама, он уезжает сегодня? Я слышала, что велели запрягать Атласного и Кобчика. Я поняла все. С ней?

Елена. Милая моя, милая, зачем говорить...

Наташа. Ничего, будем говорить. Я теперь стала спокойная, мама. Тихая девушка вроде Ксении. Правда. Я столько намучилась, что теперь на меня нашел какой-то покой. Так мне кажется странным, зачем я тогда на себя покушалась. Все это было каким-то наваждением.

Елена. Это первая гроза твоей жизни, дитя.

Наташа. Да, первая. Знаешь, я сегодня была у этой статуи? Венеры. Может быть, она навела на нас все? Ну, хорошо. И все-таки, я ей поклонилась, поплакала, перечла надписи влюбленных, — и в сердце поблагодарила за счастье, которое дала мне эта любовь. Ты меня понимаешь, мама?

Елена. Да. Понимаю. (*Вздыхает.*) Ты так молода и так говоришь. Горе сделало тебя серьезной.

Наташа. Мама, я переживала минуты такого восторга, что, ведь, это... это уже навсегда останется. А что мне не вышло в конце счастья, что же поделать. Оно не всем дается.

Елена. Не всем.

Наташа. Что же надо теперь делать?

Елена. Жить, Наташа. Жить ясной и честной жизнью, — потому что на счастье надеяться нельзя. Вон как Петр Андреевич говорил здесь Коле: принять надо жизнь, нести бремя, данное нам, твердо.

Наташа (*улыбаясь*). Это Тур так говорил? Коле?

Елена. Да. Потому что, видишь ли, жизнь пестрая вещь, как будто большая комедия: одни рождаются, другие умирают в это время, одним Бог дает радости много, другим — мало. Я сегодня получила письмо от Ксении. Вся она полна счастьем своим. И Николай, и Мария Александровна идут за счастьем. И та молодежь ликует. Значит, все так пестро и перепутано. И движется жизнь вот так-то.

Наташа (*целует ей руку*). Мама моя! Ты несчастна, тоже.

Елена. Ну, несчастна... Мужества, Наталья.
Мужества.

Некоторое время стоят прижавшись. Затем Елена тихо наигрывает вальс. Наташа слушает, потом мечтательно начинает вальсировать. У балконной двери останавливается. В небе встала громадная радуга, и сквозь мелкие, блестящие пылинки дождя светит солнце вечера.

Наташа. Мама! Радуга! Бог дал радугу в знак мира.

Елена (*встает и подходит*). Да, радуга, это мир. (*Снова стоят обнявшись.*)

В дверях появляется сиделка.

Сиделка. Елена Александровна!

Елена. А? Что вы? Сиделка. Пожалуйте к папаше.

Елена. А? А?

Наташа. Дедушка? (*Обе выбегают.*)

Некоторое время сцена пуста. Потом входят Тураев
и Фортунатов.

Фортунатов. Как ни хороша, ни мила
усадьба Ланиных, все-таки я должен, к
сожалению, уехать. Въезжая, весной, я

чувствовал, что здесь что-то, так сказать, изменится в моей жизни. И мне представились ауспиции местных божеств благоприятными. Вышло не так, но наши судьбы не в наших руках, повторяю, надо повиноваться. — Да взгляните, какая радуга!

Тураев. Дивно. Что за запах из сада! (*Далеко, с пруда, доносится смех и потом молодые голоса затягивают хором песнь.*) Это наши катаются на лодке.

Из комнаты Ланина пронзительный крик Елены.

Фортунатов. Что такое?

Тураев молчит; вбегает взволнованная Сиделка.

Сиделка. Александр Петрович скончались.

Фортунатов и Тураев молчат. Солнце светит, радуга сияет в небе и с пруда слышней и стройней пение молодежи. Тураев крестится.

Примечания

1 Господа, приглашайте дам (*фр.*).

2 Салонные игры (*фр.*).

25121

Иванов В. И.

ИВАНОВ В. И.

Биография

Портрет

25122

Иванов В. И.

Иванов В. И. Собрание сочинений в 4-х томах. –
Брюссель, 1971-1987.

Наль и Дамаянти
Прометей
Тантал

ИВАНОВ Вячеслав Иванович*(1866-1949)*

Вячеслав Иванович Иванов родился в Москве. Отец его был землемером, мать, на попечении которой будущий поэт остался с раннего детства, происходила из духовного рода и своей религиозностью оказала на сына большое влияние. После гимназии и двух лет обучения на историко-филологическом факультете Московского университета В. Иванов в 1886 г. уехал в Берлин и занимался у знаменитого историка Древнего Рима Моммзена. Долго жил на Западе, преимущественно в Италии, возвратился в Россию лишь в 1905 г. За границей штудировал сочинения славянофилов, увлекся философией Ницше и Вл. Соловьева, предопределивших мотивы его поэзии. По существу дебютировал в литературе книгой "Кормчие звезды" (1903), в возрасте тридцати шести лет. Быстро стал виднейшей фигурой в кругу символистов, заняв место рядом с Блоком, А. Белым и другими поэтами "второй волны" символизма. Литературные вечера – "среды" В. Иванова "на Башне", в его петербургской

квартире, в 1905-1907 гг. привлекали многих писателей. В. Иванов выступал не только как поэт, но и как теоретик символизма, драматург, переводчик. Истоки поэзии В. Иванова – в религиозно-мистических искааниях "соборности", под которой понималось преодоление людской разобщенности, "буржуазного индивидуализма" эпохи, в утопических надеждах на некое обновление религии, на новую эру в судьбах мира и человечества, когда восторжествует "синтетическое", "всенародное" искусство и красота. Поэт, по утверждению В. Иванова, – "религиозный устроитель жизни", а религия – "чувствование связи всего сущего и смысла всяческой жизни". Многие стихи В. Иванова трудны для восприятия; поэту присуща пышная, красочная и по-своему оригинальная архаическая лексика, сложные инверсии, тяжелая медлительность и "густота стиха". Россия появлялась в стихах В. Иванова изредка, чаще мы видим в них картины античности, итальянский пейзаж, горы и моря южной Европы – его творчество давно определяли как "скитания славянина по чужим странам и дальним векам". В августе 1924 г. покинул родину и поселился в Риме. Перешел в католичество, чтобы, как он говорил, стать "до конца православным". Читал

лекции по русской литературе и языку в университете города Павии. Скончался в Риме.